

Роман Соловьев

Не отрекаются любя

Роман Соловьев

Не отрекаются любя. Сборник

«Selfpub.ru»

2017

Соловьев Р.

Не отрекаются любя. Сборник / Р. Соловьев —
«Selfpub.ru», 2017

Сборник рассказов о дружбе и любви, о верности и предательстве. О том, как важно сохранить в наше время терпение и веру в семейные ценности. Содержит нецензурную брань.

Учительница

Глава 1

В кабинете у директора школы, Савельева Анатолия Васильевича, было душно, в нос ударял запах нового кожаного дивана, на котором сейчас восседали две пожилые учительницы. Я сидел на стуле, рядом с директором, и рассматривал обложки старых книг на стеллажах, на столе лежала пачка методичек, а под ними сиротливо притаился глянцевого «Плейбой».

– Так что же нам делать с тобой, Круглов? – директор Савельев, в сером необъятном костюме, расплылся в кресле своим огромным телом. – Мы уже вздохнули свободно, проводили тебя, так сказать, в новую жизнь, а сейчас, когда новый учебный год на носу – ты приходишь и просишь, чтобы тебя взяли в десятый...

Он медленно повернулся к учителям.

Тамара Григорьевна, невысокая, с маленькими круглыми глазками, и в вечном рыжем парике недовольно покачала головой:

– Вы же знаете Круглова, Анатолий Васильевич. Это неадекватный мальчик. Вспомните, как он разбил нос Потапову прямо на уроке. А эта дикая история, когда они с друзьями выкрали скелет в школе, и подкинули его в кабинет к нашему мэру. Это же форменная уголовщина!

Ее соседка, Елена Львовна, полненькая, темноволосая, тихо кашлянула в кулак:

– Вы знаете, Анатолий Васильевич, Сергей Круглов неплохой парнишка: сообразительный, начитанный, но поведение у него действительно хромает.

– Хорошо, – директор неторопливо поскреб указательным пальцем массивный подбородок, – сейчас придет Татьяна Викторовна, она будет классным руководителем в десятом «А», выслушаем ее мнение.

Он медленно приподнялся с кресла и приоткрыл форточку.

– Эх, Сережа, Сережа шел бы себе спокойно в училище, учится на токаря. В стране рабочих рук не хватает.

По коридору послышался цокот каблучков, и в кабинет впорхнула Татьяна Викторовна. У меня перехватило дыхание, а сердце вновь быстро забилося, как тогда, два года назад, когда она впервые вошла к нам в класс.

Было начало октября, Анна Николаевна, наша учительница по русскому языку и литературе, неожиданно ушла в декретный отпуск. Через неделю директор привел в класс новую, молодую учительницу. Савельев представил ее, и рассказал, что раньше она работала в соседней школе, а теперь будет преподавать вместо Анны Николаевны. Новая учительница, Татьяна Викторовна, была очень красивая молодая женщина: высокая, стройная, с большими голубыми глазами, и немного удивленным взглядом, светло-русые волосы были собраны в аккуратный пучок, даже голос у нее был мелодичный и немного бархатный. Одета она была в узкой клетчатой юбке и обтягивающей белой водолазке, из которой рвалась наружу высокая, упругая грудь. Когда она нагнулась к столу, за журналом, ее «дыньки» под водолазкой призывно колыхнулись.

– Драл бы ее каждый час, – мечтательно ухмыльнулся тогда Толик Зайцев, сосед по парте.

– Рот свой закрой, – рявкнул я на него.

Толик насупился и отвернулся.

Я встряхнул головой, прогоняя воспоминания. В кабинете повисла неловкая пауза. Татьяна Викторовна зашла и встала посередине кабинета директора. Увидев меня, она сразу поняла, зачем ее вызвали.

– Татьяна Викторовна, вы уже два года работаете в нашей школе. Хорошо знаете Сергея Круглова. Парень вернулся, просится в десятый класс. Вы сможете за него поручиться?

Татьяна Викторовна немного задумалась:

– Анатолий Васильевич, каждый человек имеет право на ошибки, но не каждый осознает их и делает соответствующие выводы. Я думаю, Сережа сделал для себя правильные выводы, и потому пришел, чтобы продолжить обучение, и мое мнение, как педагога, что мы должны пойти ему на встречу.

– Эх, светлая у вас душа, Татьяна Викторовна. Хорошо, Круглов, оставляй документы и приходи первого сентября. Будешь учиться.

Когда я выходил из кабинета, Тамара Григорьевна на диване тяжело вздохнула.

Вечером, мама как всегда суежилась на кухне, после ужина. В гостиной, на маленьком диванчике, отец смотрел вечерние новости.

– Сын, иди поговорим.

Я нехотя вылез из компьютера, и сел рядом.

– Сергей, – он снял очки, – и серьезно посмотрел на меня, – ну как все прошло?

– День рождения Вадима? Да нормально.

– Да нет, как в школе прошло? Взяли тебя?

– Конечно взяли, такие люди везде нужны.

– Это хорошо. А то я уже хотел вмешаться. И кстати, Сережа, ты же спортсмен. Мать сказала – опять дома не ночевал, пьянствовал у своего Вадима.

– Пап, да вы же сами меня отпустили с ночевкой.

– Сергей, больше никаких ночевок. Тебе еще шестнадцати нет. Володю мы так не баловали. Вон, каким человеком вырос. Корпоративы ведет, квартиру купил... Ты бы лучше себе девушку завел...

– Пап, девушка не собака, она просто так не заводится.

Отец с досадой махнул рукой, показав, что аудиенция закончена, и я побрел к себе.

Осень зарядила чередой дождей, дни стояли пасмурные, и на последних уроках всегда хотелось спать. Но только не у Татьяны Викторовны. Я всегда ждал ее уроков, как ждет, робея от смущения, прыщавый юнец своего первого свидания.

Все в ней казалось мне идеальным. Ее походка, улыбка, плавный поворот головы, по-женски легкие и таинственные очертания ее безупречного тела. Возможно, я еще тогда, в восьмом классе полюбил ее всем своим еще детским, робким сердцем. В десятом классе это чувство окрепло, приобрело свои чудные, невесомые формы. Тогда я просыпался и ложился спать с мыслями о ней, о Татьяне Викторовне, о моей Тане. Мне удалось заполнить тот вакуум, который был в моей душе, той нежностью, чувствами, которые я питал только к ней.

В классе давно обо всем догадывались: девчонки шептались между собой, пацаны ухмылялись, но на ее уроках все вели себя смирно, зная мой буйный нрав. Но вскоре произошел один неприятный случай.

В конце урока Татьяна Викторовна зачитывала результаты сочинений.

– Лебедев Петр, тебе троечка. Очень много ошибок, корявенько, и чувствуется абсолютное незнание материала. Ты хоть книгу открывал?

Лебедев, мажористый парнишка, в джинсовом костюме, покрылся пунцовыми пятнами на щеках, от гнева.

– Мне не нужна ваша книга. А за полугодие – вы все равно мне пятерку поставите. Как директор скажет, так и сделаете.

– Петр, не хами, – учительница отложила его тетрадь в сторону.

Лебедев резко встал и пошел к выходу, возле самой двери он обернулся:

– Я все равно стану директором банка, как мой отец, а вы, отличники, – он указал пальцем на первую парту, где сидели наши круглые отличники, Снегирев и Кузина, – будете мне машину вылизывать...

– Петя, сядь на место!

– Да пошла ты, – он вышел и громко хлопнул дверью.

На перемене я нашел Лебедева в беседке, за спортплощадкой. Он стоял в гордом одиночестве и курил, неторопливо пуская колечками сигаретный дым. Увидев меня, Петр самодовольно ухмыльнулся. Я ударил его с ходу, в левую скулу. Он крикнул и зажав рукой лицо, начал приседать, я обхватил его шею и свалил на землю, впечатав лицом в бетонный заплыванный пол беседки.

– Еще раз Татьяне нагрубишь – порву тебя, как тузик грелку!

Медленно встав, я отряхнул руки. На его щеке набухал огромный, пока еще лиловый синяк.

– Круглый, ты ответишь за это...

– Тебе мало, урод?!

Он привстал, отряхнул джинсовый костюм, и медленно пошел к школе, покашливая:

– Большой псих...

Я оперся локтями на деревянные перила беседки, и посмотрел вдаль, где на нашем бывшем футбольном поле строился магазин «Магнит».

– Не любишь ты Лебедева, – послышалось за спиной. Резко обернувшись, я увидел улыбающегося Юрку Сафронова.

– Он не телка, чтобы его любить.

– Серый, ты мне скажи, как другу, ты что, втюрился в нашу Таню? Или просто в трусики к ней хочешь залезть?

– Не твое дело...

– Ты меня послушай. У нее мужик – шкаф: два на два, да еще опером в милиции работает. Она с ним вроде как в разводе, но он все равно к ней ездит. Так нахлобучит, что и твое карате не поможет.

– И откуда ты все знаешь, Штирлиц?

– Ты че дурак? Я же тебе давно говорил, мы в одном дворе живем, у нее дом напротив. И дочка у нее еще, лет шести.

– Ладно, поживем-увидим. Пойдем, а то на урок опоздаем...

Через неделю писали сочинение на тему: «Что такое любовь?» В конце я написал ей признание: «Я Люблю Вас, Татьяна Викторовна, и полюбил вас с первой минуты, как только увидел. Мое сердце, моя душа принадлежит вам, хотя я и недостойн и капли вашего внимания, но мне легче становиться жить и дышать, зная, что рядом такой светлый человек, как вы...»

После уроков она попросила меня остаться.

– Сережа, с тобой все в порядке?

Я опустил глаза в пол. То, что легко было написать, нелегко было произнести вслух. Татьяна Викторовна нахмурилась, постукивая ручкой по столу.

– Не торопись взрослеть, Сережа, у тебя все еще впереди, – она протянула мне тетрадь, – а сочинение перепиши.

Татьяна Викторовна взяла стопку с тетрадями, и вышла из класса, а я сидел и смотрел в окно – как с деревьев падают листья, и медленно кружась, застилают холодную землю.

Глава 2

В начале октября я возвращался с тренировок поздно вечером. Ноги были как свинцовые, мы готовились к зимним областным соревнованиям по карате-до, тренер выбрал из всей группы троих человек, и занимался с нами усиленно, по усложненной программе: до боли, до спазма мышц, приходилось выжимать от пота кимоно, после каждой тренировки. Однажды, когда я вышел из спортшколы, запищал мобильный в кармане.

– Серый, не можешь к «Адреналину» подойти – аппаратуру загрузить, а то Васек уже не в состоянии.

Мой старший брат Володя вел корпоративы и вечеринки в баре «Адреналин», но новую музыкальную аппаратуру постоянно возил с собой, после того, как старую украли два года назад. До бара было недалеко, всего два квартала. Я помог брату загрузить тяжелые колонки в его «Опель».

– Кто гулял-то Володя?

– Учителя, сегодня же День учителя. Вроде с нашей школы, я только физрук Егора узнал и Елену Львовну, остальные все новые, молодые.

Из стеклянной двери бара вышли две учительницы с нашей школы, и смеясь, направились к стоянке такси. Следом вышли Татьяна Викторовна, в коротком бежевом плаще, с нашим физруком Егором, в расстегнутой до пупка белой рубашке.

– Егор Васильевич, соблюдайте пожалуйста, рамки приличия!

Физрук встал на колени прямо в небольшую лужу у крыльца:

– Татьяна Викторовна, всего-то один поцелуй!

Из подъехавшей прямо ко входу «Калины», выглянула полненькая женщина:

– Егор! Поехали домой!

Физрук подскочил, как ошпаренный, кивнул Татьяне, и побежал к машине.

– Козел! – гаркнула на него женщина, и тяжелой ладонью, впечатав по лысеющей макушке, затолкнула его на заднее сидение.

– Ну, ты едешь? – окликнул меня Володя.

– Да нет, я пешком пройду, – я быстро догнал шедшую по тротуару Татьяну Викторовну.

– Круглов? Ты как здесь?

– Стреляли...

– Проводишь меня? А то у нас два кавалера были, да и те разбежались...

Глаза у нее блестели, а губы были сильно накрашены яркой, красной помадой. Волосы, нежными воздушными локонами, падали на плечи. Татьяна игриво взяла меня под руку.

Некоторое время мы шли молча, вдыхая сырой, туманный запах осеннего вечера.

– Егор наш хорош. Весь вечер за мной ухлестывал, а только жена приехала – будто протрезвел мигом.

– А вы замужем?

– Была замужем Сережа. Все в прошлом, и все в будущем... Слушай, я у тебя спросить хотела, что это за история с похищенным скелетом? Про тебя год назад прямо-таки легенды по школе ходили...

– Вы знаете пустырь за школой, где сейчас «Магнит» строят?

– Знаю. И давай на ты, мы не в школе, и разница в возрасте у нас не такая большая.

– Так вот, раньше на пустыре было футбольное поле, а зимой мы заливали каток. Наш мэр, Федорчук, отдал пустырь под строительство магазина – место-то цивилизованное, почти в центре. Наверное, «бабки» ему занесли. Я писал анонимные угрозы, чтобы пустырь не трогали, и подкидывал ему в ящик. А потом мы выкрали скелет, переодели его в костюм, и посадили на его кресло в кабинете. На скелете была записка: «Мертвецам деньги не нужны». Это было предупреждение, как в «Крестном отце», только там голову лошади подбросили.

Татьяна Викторовна едва заметно улыбнулась:

– Как же вам удалось проникнуть в здание администрации, оно же охраняется?

– Тогда там сторожил отец Сашки Федотова, а он уже к двенадцати ночи спал на диванчике, после пол-литра. Мы влезли в окно, взяли ключи на вахте, остальное было делом техники, – я вздохнул, – никто же не знал, что там еще эта чертова камера в коридоре все снимает! На следующий день в школу пришли участковый с мэром. Федорчук сказал, что любит юмор, но всему есть свой предел. В общем-то, легко отделались, нас поставили на учет в детскую комнату милиции. Жаль, отца Сашкиного с работы выгнали...

– Значит, Сережа, ты у нас смутьян и правдолюбец? – она улыбнулась, сжав мне руку под локтем.

Мы вошли в ее двор. Татьяна Викторовна вздрогнула, увидев возле подъезда красную «Тойоту», и сразу одернула руку.

– Сергей, спасибо что проводил, дальше я сама...

Я заметил, что она чем-то напугана. Из машины вылез высокий широкоплечий мужик в кожаной куртке и пошел навстречу нам.

– Здравствуй, Таня, гуляешь? А дочь где? – он вплотную подошел к нам, не обращая на меня не малейшего внимания. – Я соскучился по тебе, солнышко!

– Олег, не надо начинать, мы же обо всем договорились!

Он резко схватил ее за руку, а другой рукой обхватил шею.

– Земляк, тебе же русским языком сказали – отвали! – я похлопал его по плечу, он был почти на голову выше. Мужик ударил неожиданно, с разворота, с левой руки, и когда я попытался собраться – еще раз, с правой, куда-то в бровь, удар был настолько сильный, что ноги у меня подкосились и я упал, заваливаясь набок, на мокрый асфальт. Немного придя в себя, я попытался встать. Татьяна помогла мне приподняться. Мужик уже сидел в «Тойоте», косясь в нашу сторону. Вскоре он завел двигатель и выехал со двора. Я ощупал бровь: она распухла и кровоточила. Татьяна провела пальцами по моей щеке:

– Пойдем герой, окажу тебе первую медицинскую помощь.

В квартире я умылся в ванной, осматривая в зеркало свое разбитое лицо. Татьяна уже переделалась в короткий домашний халат с вырезами, подчеркивающими ее длинные стройные ноги.

– Пойдем на кухню, Сережа.

Она протерла мою пострадавшую бровь перекисью водорода, и прилепила лейкопластырь крестиком.

– Ну вот, а кто будет спрашивать, скажешь – бандитская пуля, – она чуть заметно улыбнулась, – тебе чай со сгущенкой или с вареньем?

– Это муж был?

– Бывший муж. Мы уже год в разводе, у него уже семья другая, а как выпьет, приезжает: мол, старая любовь не ржавеет, соскучился... Урод.

Она налила мне в бокал, с белыми розочками, сладкий горячий чай, а сама вышла в коридор, с кем-то разговаривая по телефону. «Да дома уже, дома, приходите...» – услышал я обрывок фразы. Татьяна зашла в кухню, придвинулась ко мне, и положила варенье в стеклянную вазочку. Я почувствовал запах ее воздушных, легких духов, свежих, как горная лаванда.

– А кто сейчас придет?

– Ты чего такой напуганный? Мама сейчас Олечку, доченьку, приведет...

Я засмутился, допил чай большими глотками и встал из-за стола:

– Татьяна, можно я пойду?

– Ну, хорошо, иди Сережа...

Она, немного задумчивая, проводила меня до лестничной клетки. Когда я спустился, в подъезд входили пожилая женщина и девочка со смешными косичками, лет шести. Я улыбнулся им и вышел на улицу.

Глава 3

Через неделю, в субботу, мы «обмывали» в гараже у Вадима покупку мотоцикла. Когда я возвращался домой, ноги сами принесли меня во двор к Татьяне. Окна в ее квартире не горели, я уже развернулся и пошел назад, когда она окликнула меня с детской площадки:

– Сергей!

Я подошел и увидел, что она сидела на скамеечке, возле качелей, с банкой «джин тоника». Одета Татьяна была по-молодежному: в джинсах и короткой кожаной куртке.

– Сережа, ты что, заблудился?

– Вообще то я к вам шел, то есть к тебе...

Она отпила большим глотком из банки.

– Правда, в этом году октябрь очень теплый?

Я пожал плечами и сел рядом с ней.

– А знаешь, Сергей, мы с дочкой, наверное, скоро уедем в другой город. Здесь он не даст нам спокойно жить. Сегодня опять приезжал...

– Что, бывший муж достает? – я сжал кулаки. Чувствовалось, что это была не первая ее банка «джин тоника» за вечер.

– Вообще с катушек съехал. Раньше был веселым, добрым парнем. Мы поженились, когда мне было двадцать, а ему двадцать два. Это его поганая работа – сделала Олега таким. Эти ночные вызовы, дежурства, дознания... И эти страшные командировки в Чечню и Дагестан...

– У нас же на Кавказе сейчас спокойно?

– Это нам по телевизору так говорят, – она потянулась, и достала за спинкой скамейки пакет с тремя банками «джин тоника», протянула мне, – открой, Сережа, и сам угощайся.

Она тяжело вздохнула:

– Года два назад – его как подменили, начал руки распускать. Бывало, даже к батарее пристегивал, чтоб к маме не ушла. Однажды, на моих глазах чуть мужика ногами до смерти не забил, за то, что тот дорогу ему не уступил. Год назад вернулся с очередной командировки, неделю пил, потом потащил меня в спальню, я ему кричу: «Олег, не надо!». Он тогда избил меня, руку сломал. А на Олю так наорал, что она две недели не могла разговаривать. Тогда я поняла, что все, хватит! Мы развелись, он вскоре женился, а месяца три назад – начал опять приезжать.

Татьяна неожиданно вздрогнула.

– Слушай, вижу я тебя загрузила, давай сегодня не будем о грустном. Пойдем, прогуляемся по городу: на набережную сходим, посидим где-нибудь...

Мы спустились к реке. Плавающий бар-ресторан «Дункан», отреставрированный из старого трехпалубного парохода, заманчиво горел разноцветными огоньками посреди набережной. Бритый широкоскулый охранник возле мостика, критически посмотрел на меня, а Татьяне улыбнулся.

– Места есть, уважаемый? – вкрадчиво спросила она у грозного стража.

– На средней палубе один столик остался, – он привстал и откинул цепь, освобождая нам путь.

Мы присели за крайний столик, я сделал заказ, с тревогой ощупывая тощий бумажник в кармане. Народ на палубе веселился во всю, посередине палубы шла дискотека. За соседним столиком толстый армянин с жадностью пожирал мою спутницу взглядом. Татьяна поправила волосы и загадочно улыбнулась.

– Сто лет не была в подобных заведениях.

– А я здесь второй раз...

Высокий официант, в синем камзоле, принес на серебристом подносе шампанское, красную икру и салат из лосося.

– Что-нибудь еще ?

– Спасибо, пока все, – я разлил шампанское в хрустальных фужерах с тонкими ножками. Неожиданно, танцевальная музыка сменилась на медленную и лиричную турецкую песню.

– Потанцуем, Сережа?

Я взял ее за руку и вывел на середину палубы. Обхватив Татьяну за талию, ощутив ее запах, я будто утонул на миг на ромашковом лугу, овеванном дуновением легкого ветра; мне хотелось прижаться к ней, утонуть в ее груди и забыться. Татьяна крепко обхватила меня за плечи, и закрыла глаза, кружась в танце. Вернувшись за столик, я налил по второму фужеру.

– Что же мы без тостов, поручик?

– За любовь! – мы легонько чокнулись фужерами, и я неторопливо пригубил.

Татьяна поставила фужер на стол, и мягкой ладошкой провела мне по губам.

– Какой же ты Сережа, еще юный...

Я взял ее ладонь в руки и поцеловал:

– Как мало тех, с кем хочется мечтать! Смотреть, как облака роятся в небе, писать слова любви на первом снеге, и думать лишь об этом человеке... И счастья большего не знать и не желать.

– Юный романтик. Очень красивые стихи. А ведь каждый из нас имеет на это право.

– Какое право?

– Право любить и быть любимым. И чем старше становишься, тем лучше это осознаешь. А если нет любви, зачем тогда жить, правда Сережа? А мне вот эти стихи очень нравятся, только они очень грустные, я тебе отрывок прочитаю: с любимыми не расставайтесь, всей кровью прорастайте в них, и каждый раз на век прощайтесь, когда уходите на миг!

Она прослезилась и осторожно вытерла краешек глаза уголком платка.

– Сережа, ты извини, я на пять минут отлучусь.

Когда она вышла, ко мне подошел другой официант, с прилизанными светлыми волосами.

– Извините, молодой человек, вас срочно просят подойти на носовую часть судна, – он плавным жестом показал мне направление.

Я немного удивился, залпом выпил оставшееся в фужере шампанское, и пошел на носовую часть. Из-за щита с цепями и такелажными канатами вышли двое: Лебедев и широкий, бритый атлет-кавказец, рубаха на нем едва не рвалась по швам.

– Че, Петруха, сегодня со своим парнем пришел? – улыбнулся я.

Атлет бросился ко мне, и железной хваткой обхватил сзади. Я даже не успел среагировать, видно слишком много алкоголя было в крови. Попытавшись вырваться, я обмяк в железных клешнях атлета. Петр Лебедев, сузив глаза, подошел вплотную:

– Ну что, урод? Я давно за вами с верхней палубы наблюдаю! Что, дала она тебе, шлюшка наша?

Я почувствовал, что качок немного ослабил хватку, и быстро ударил его затылком в большой породистый нос, услышав мягкий хруст. Его хватка полностью ослабла. Развернувшись, я добавил ему с локтя в челюсть. Лебедев быстро отступал, я резко бросился к нему, и от души впечатал ногой в грудь. Перелетев через ограждения, он, нелепо размахивая руками полетел прямо в воду. Вдруг я почувствовал сильнейший толчок в спину, и тут же полетел вслед за ним.

Уйдя с головой в воду, я быстро вынырнул, мгновенно трезвея от холодной воды. Петр уже стоял на мраморных ступеньках и блевал, нахлебавшись водой. Я вылез чуть поодаль от него, к нам бежали с теплохода несколько человек, и широкоскулый охранник.

– У вас все нормально? – крикнул какой-то мужик в бежевом свитере. Я поднял вверх указательный палец, и начал снимать промокшую ветровку. Татьяна подбежала ко мне, обняв за голову:

– Ты что делаешь, дурачок! Тебя даже на пять минут нельзя оставить!

Мужик в свитере показал рукой на линию воды у теплохода:

– Там под водой куски бетона с арматурой торчат, повезло вам парни, что не напоролись...

Татьяна взяла меня за руку и потащила к стоянке такси.

– Поехали быстрее домой, а то простудишься еще.

Когда мы сели в машину, Лебедев показывал в мою сторону подошедшим к нему сержантам-милиционерам. Я хлопнул себя по лбу:

– Блин! Расплатиться за заказ забыл!

– Успокойся, «Ихтиандр»! Я рассчиталась. Товарищ водитель, можно побыстрее, у нас здесь человек замерзает...

Через десять минут мы въехали к ней во двор.

В подъезде, на лестничной клетке было темно.

– Опять лампочку выкрутили! – Татьяна растерянно пошарила в кармане куртки, – слушай, Сережа, я похоже ключ где-то посеяла.

Она долго искала ключ, он оказался в кармашке сумочки.

Зайдя в квартиру, Татьяна наполнила ванну горячей водой и отправила меня прогреться. Я действительно весь дрожал после купания в реке. В ванной я снял мокрую одежду, развесил ее на веревке, и погрузившись почти с головой, начал согреваться.

Когда я вылез, то заметил на крючке новый мужской халат и большое махровое полотенце. Выйдя из ванны, заглянул в зал. В кресле, склонив голову на спинку, спала Татьяна, в коротком халатике, под монотонное дребезжание «телика».

Я осторожно приподнял ее, перенес на диван, она приоткрыла глаза, и обняла меня за плечи. Чуть дыша, коснулся ее сладких губ. Таня ответила мне на поцелуй, нежно поглаживая волосы. Распахнув халат, и освободив ее красивую, упругую грудь, прижался к ней, долго целовал, позабыв обо всем на свете, ласкал кончиком языка нежную, бархатную кожу на животике, Таня вздрагивала и извивалась подо мной, а когда осмелился, и начал стягивать трусики, на мгновение застыла, и затем остановила мою руку.

– Сережа, давай не будем, прошу тебя, не сейчас...

Она встала, застегнула халат и пошла в ванную. А я смотрел в окно: на одинокий диск луны, звездную причудливую россыпь, раскинувшуюся в бескрайнем ночном небе и неожиданно уснул...

Проснулся я уже утром, от надоедливого жужжания телефона. Татьяна спала на краю, свернувшись в одеяло калачиком. Я вытащил телефон из кармана.

– Сережа, ты где? – голос у мамы был очень встревоженный.

– Мама, я у Вадима ночевал, скоро буду.

– Сережа, я звонила Вадиму. Давай домой быстрее!

Отложив телефон, я вздохнул. Татьяна откинула одеяло:

– Мама звонила? Слушай, Сережа, и мне пора за Олечкой идти...

Моя одежда, чистая и выглаженная лежала на спинке кресла.

Она проводила меня до лестничной клетки, и застегнула верхнюю пуговицу на куртке:

– Пока, Сережка!

Дома я проспал почти до вечера. Когда уже стемнело, пошел на кухню и налил себе чай. Отец мелко шинковал капусту на доске, он любил в свободное время «поколдовать» возле плиты.

– Слушай, Серега, давай заканчивай свои ночные похождения! Мать переживает, она знает где ты ночевал!

– Откуда?

– Тебя видела ее подружка, на «Дункане». Тебя, и учительницу вашу, Белову. – Отец отложил нож в сторону. – Сергей, послушай меня, она взрослая, самодостаточная женщина. И к тому же, почти в два раза старше тебя. Мне кажется, парень, твоя бригантина не в ту бухту поплыла, – он едва заметно улыбнулся.

В кухню вошла встревоженная мама:

– Чего вы тут расшумелись, на ночь глядя?

– Пап, можно я буду иногда сам решать, с кем мне быть и когда? – и взяв бокал с чаем, я поплелся в свою комнату, услышав, как отец говорил маме в полголоса:

– Вот балбес, совсем как я – в молодости...

Глава 4

Утром моросил мелкий осенний дождь. Я накинул капюшон и прибавил шаг, чтобы не опоздать к первому уроку. На краю школьной стоянки, еще издалека, увидел красную «Той-оту». Возле машины стояли Татьяна и ее бывший муж Олег. Он громко кричал и размахивал руками, а затем, наотмашь ударил ее. Я бросил сумку и быстро побежал к ним. Татьяна сидела на корточках, зажав лицо руками. Олег стоял, грозно расставив широко ноги:

– Поняла, сука?

Подбежав, я подпрыгнул, и ударил его ногой в грудь, сбив с ног. Он упал, ударившись затылком о багажник машины, а когда попытался встать, я еще раз достал его боковым ударом ноги.

Вдруг я почувствовал, как что-то холодное уперлось мне в затылок.

– Замри, урод, башку прострелю! Руки назад!

Сзади мне пристегнули руки наручниками, и быстро развернули. Передо мной стоял рыжий, коренастый крепыш, лет двадцати пяти. И тут я вспомнил, что когда подбегал к машине, сзади открылась дверь, и промелькнула чья-то фигура. Олег встал, сплевывая кровь с губы, и ударил меня в живот. Рыжий открыл дверь и быстро запихнул меня на заднее сидение. Татьяна, приподнявшись, взяла бывшего мужа за руку:

– Олег, отпустите парнишку.

Он оттолкнул ее, сел в машину, и отъезжая, показал средний палец.

– Ты хоть понимаешь, щегол, что тебе будет за нападение на капитана милиции? – рыжий сильно ударил меня тяжелой ладонью по затылку. – Олег, может, его в КПЗ и в камеру – к Валету?

Олег хищно оскалился, вытирая платком кровь с губы:

– Да ты что, Константин, он же там через час закукарекает. Не жалко тебе вьюношу?

Дальше ехали молча, остановились за старым парком, на стройке.

– Костя, выйди покурить.

Рыжий вышел, и сел на скамейке неподалеку. Олег обернулся и осмотрел меня с ног до головы, играя желваками. Его голубые, водянистые глаза были холодны, как арктический лед. Он достал из кармана куртки красное удостоверение и быстро показал мне:

– Капитан Белов. Красноармейское ГУВД. Что пацан, ходунками научился махать? Слушай меня сюда, Сергей Павлович Круглов, если не хочешь сидеть – принесешь в шесть часов вечера пять тысяч долларов. На это место. А если нет... – и он скрестил по два пальца на каждой руке, в виде решетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.